РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
1912

Національнизмъ и антисемитизмъ передъ судомъ христіанскаго сознанія. [1])

I.

Идея Россіи нынѣ переживаетъ дни очень отвѣтственные. Что-то важное рѣшается въ судьбахъ нашего національнаго самосознанія. Мы живемъ на историческомъ перевалѣ. И въ эти дни нельзя относиться равнодушно къ бушеванію стихійно-языческаго національнизма, къ возрастанію и господству національнистическихъ теченій. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, быть ли Россіи „Россіей Ксеркса иль Христа“. Не было у русскихъ въ ихъ національномъ разумѣ здороваго и зрѣлаго національнаго самосознанія, было что-то болѣзненное, неладное,—болѣзненная денаціонализація и болѣзненный національнизмъ. Но наступаютъ времена созрѣванія національнаго самосознанія, глубокой думы надъ тѣмъ, что̀ есть Россія, въ чемъ ея идея и задача. Потрясенія русской революціи окончательно дискредитировали космополитическія идеологіи и остро поставили вопросъ о національномъ самосознаніи. Является потребность въ очной ставкѣ идеи Россіи, какъ она мыслилась русскими геніями, съ русской жизнью, съ ходомъ исторіи, съ конкретной судьбой Россіи въ будущемъ. Что сталось въ жизни съ идеями славянофиловъ, Достоевскаго, Вл. Соловьева? Есть ли духовная традиція за современными практическими національнистами? Во имя русскаго національнаго самосознанія, во имя русскаго мессіанизма, во имя идеи и задачи Россіи, во имя завѣтовъ и традицій русскаго генія нужно непримиримо бороться съ національнизмомъ и національнистами, нуженъ крестовый походъ противъ злобы, отравляющей христіанскую душу Россіи и русскаго народа.

Пусть присмотрятся съ духовнымъ вниманіемъ къ современному рус-

---

[1]) Не раздѣляя ни общаго духа философіи Н. А. Бердяева, ни нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его взглядовъ, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто его интересной статьѣ, обильной глубокими мыслями. *Ред.*

скому національнзму, къ духовному облику націоналистовъ, и увидятъ съ горемъ, что это уродливое явленіе есть результатъ безвѣрія и безъидейности, атеизма и нигилизма въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова. Національнзмъ есть идеологія скептиковъ и циниковъ, утерявшихъ вѣру въ Бога и во всѣ религіозныя цѣнности, не вѣдающихъ смысла жизни, не поклоняющихся никакой абсолютной святынѣ. Скептики и невѣрующіе по отношеніи къ Высшему, люди эти хотятъ быть догматиками по отношеніи къ жизнеустроенію и создаютъ догматы національнзма и государственности. Національнзмъ призванъ замѣнить утерянную вѣру, долженъ играть роль суррогата религіи. Религія національнзма не нова и религія эта всего менѣе русская. Французскіе атеисты и скептики давно уже исповѣдуютъ религію національнзма, поклоняются Франціи вмѣсто Бога. То же у англичанъ и нѣмцевъ. Это очень западное явленіе. Шовинизмъ—явленіе гораздо болѣе западное, чѣмъ русское. Религія національнзма есть идолопоклонство, потому что сотворяетъ себѣ бога иного, вмѣсто Бога живого поклоняется идолу національности или государственности. Неловко, неудобно жить голымъ аппетитомъ и корыстью. Нужно какимъ-нибудь идейнымъ суррогатомъ прикрыть свою духовную наготу. Національнзмъ и является такимъ идейнымъ суррогатомъ; имъ легче всего прикрыться человѣку, лишенному всякихъ идей и всякой духовной жизни. Это—движеніе въ направленіи наименьшаго сопротивленія, не требующее усилій духа и подвига отреченія. Это—стадно-стихійная идеологія, съ помощью которой всякій обыватель, живущій инстинктивными аппетитами, всякій буржуа въ царствѣ духа считаетъ себя человѣкомъ „идейнымъ“. И я выставляю тезисъ, что этотъ обывательскій, буржуазный національнзмъ, скопированный съ шовинизма всѣхъ европейскихъ народовъ, ничего общаго не имѣетъ съ идеей Россіи, съ духомъ русскаго народа и его великимъ призваніемъ въ мірѣ, что такой національнзмъ обезличиваетъ Россію, умаляетъ ея своеобразную, единственную душу. Мы увидимъ, что современные націоналисты не только не вѣрятъ въ вселенскую истину христіанства, но не вѣрятъ они и въ свой народъ, въ Россію, въ ея мощь, въ ея красоту, въ ея призваніе.

Русская національная идея всегда была связана съ христіанствомъ и православіемъ. Такъ думали всѣ тѣ, которые совершали у насъ подвигъ національнаго самосознанія. Кирѣевскому, Хомякову, Достоевскому, Соловьеву показался бы чудовищнымъ русскій національнзмъ безъ Христа и христіанства. Русскій мессіанизмъ всегда былъ связанъ съ Россіей, принявшей въ себя правду Христову и послужившей этимъ міру. Лишь какъ христіанская страна, въ которой всѣ отъ мала до велика мучатся Богомъ и смысломъ жизни, своеобразна Россія и велика. Какъ буржуазно-имперіалистская, скептически-атеистическая страна Россія можетъ быть лишь страной второстепенной и третьестепенной. То, во что

хотятъ превратить Россію націоналисты буржуазно-атеистическаго типа, такъ же лишено всякаго своеобразія, такъ же безлично и чуждо генію Россіи, какъ и то, во что хотятъ превратить ее интеллигенты-космополиты. Не-христіане, невѣрующіе, скептики и атеисты не могутъ быть выразителями русской идеи и чужды русскому народу. Русскому народу близокъ лишь тотъ, кто вмѣстѣ съ нимъ идетъ поклониться мощамъ св. Сергія Радонежскаго. Но что общаго имѣютъ со святымъ Сергіемъ Радонежскимъ современные націоналисты? Ихъ можно называть реакціонерами съ разныхъ точекъ зрѣнія, но они такъ модернизпрованы, такъ приспособлены къ современному буржуазному стилю, что нѣтъ имъ пути въ Троицко-Сергіевскую Лавру. Я говорю о націоналистахъ, которые ходятъ въ европейскомъ костюмѣ, называютъ себя „націоналистами“ или октябристами, пишутъ въ „Новомъ Времени“. О тѣхъ націоналистахъ изъ союза русскаго народа, которые ходятъ безъ всякаго костюма и являютъ примѣры дикости, предшествующей всякой культурѣ, разговоръ долженъ быть особый. Если есть русская идея, указующая на исключительное призваніе Россіи въ мірѣ, то это идея мистическая, а не позитивно-раціональная. Русская идея понятна и близка лишь мистикамъ, она непонятна и ненужна раціоналистамъ, позитивистамъ и атеистамъ. Въ русской идеѣ всегда было безуміе, и для людей, слишкомъ стоящихъ на умѣ въ дѣлахъ мірскихъ, она нелѣпа и не существуетъ. Націоналисты, умные дѣльцы въ дѣлахъ этого міра, хотятъ хорошо устроиться на землѣ, хотятъ для себя всѣхъ раціональныхъ выгодъ и позитивныхъ благъ. Какъ же имъ понять русскую идею? Развѣ геніи русскаго національнаго самосознанія и глашатаи русской мессіанской идеи думали когда-нибудь о могущественной имперіи, о власти, о господствѣ въ мірскихъ дѣлахъ? Я писалъ монографію объ А. С. Хомяковѣ и много вдумывался въ наше славянофильство, много занимался имъ. [1]) И я рѣшительно утверждаю, что славянофилы ничего общаго не имѣютъ съ теперешними націоналистами, что они не націоналисты въ томъ буржуазно-имперіалистскомъ и атеистически-скептическомъ смыслѣ слова, въ какомъ понимаетъ націонализмъ „Новое Время“. „Новое Время“ проповѣдуетъ атеистическій, нигилистическій, буржуазный націонализмъ. Это—явленіе буржуазной модернизаціи Россіи, не имѣющее за собой никакой духовной традиціи. Нововременскій націонализмъ есть вѣчное приспособленіе къ условіямъ земной жизни буржуа. Буржуа я беру здѣсь не какъ соціальную категорію. Буржуа—это человѣкъ, который не вѣритъ въ иной міръ и потому слишкомъ занятъ дѣлами этого міра, человѣкъ, предающій вѣчное тлѣнному. Націонализмъ глубоко буржуазенъ не въ соціальномъ, а въ духовномъ смыслѣ слова, такъ же буржуазенъ, какъ и космополитизмъ,—другая форма приспособленія.

[1]) Моя книга „А. С. Хомяковъ“ недавно вышла въ изданіи „Пути“.

потому, что я сынъ Церкви Христовой, возможность *такого* національнализма для меня догматически исключена, воспрещена истинами моей вѣры. Если бы у меня были *такія* національнистическія чувства, то я считалъ бы нужнымъ каждый разъ на исповѣди каяться въ нихъ, какъ въ грѣхѣ противъ Сына Божьяго.

Національнализмъ несовмѣстимъ съ вселенской правдой христіанства. Христіанское національное самосознаніе возлагаетъ тяжелое бремя отвѣтственности, оно—обязанность и задача. Національнализмъ, какъ право и преимущество, какъ самодовольство и самохвальство, совершенно не допускается христіанскимъ сознаніемъ. Національная идея для христіанскаго сознанія есть служеніе, а не притязаніе. Національная миссія для христіанскаго сознанія въ томъ, чтобы больше дать, а не въ томъ, чтобы больше взять. Рѣзко нужно отличать христіанскій мессіанизмъ русскаго народа отъ языческаго его національнализма. Формула языческаго національнализма—Россія для русскихъ, т.-е. какъ можно больше для себя, т.-е. притязаніе на обладаніе благами міра. Формула христіанскаго мессіанизма—Россія для міра, т.-е. служеніе дѣлу мірового спасенія, т.-е. безмѣрно отвѣтственная и великая задача, а не мелкое процвѣтаніе. Русская идея—міровая идея и призваніе Россіи—міровое призваніе. Въ это вѣрили русскіе геніи и русскіе святые, герои національнаго нашего самосознанія. Какъ понизилось національное самочувствіе у нынѣшнихъ національнистовъ! Имъ чужда всякая мессіанская идея, она представляется имъ романтической грезой, опасной для земного процвѣтанія. Раздавить финляндцевъ, разгромить евреевъ—вотъ что грезится нынѣшнимъ національнистамъ. Но тогда нужно открыто и безъ всякихъ двусмысленностей сказать, что національнализмъ ничего общаго не имѣетъ съ русскимъ мессіанизмомъ, не принимаетъ этихъ великихъ традицій и связаннаго съ ними бремени отвѣтственности, такъ какъ ничего общаго не имѣетъ съ христіанствомъ, такъ какъ по существу арелигіозенъ, атеистиченъ. Признайтесь откровенно, что вашъ національнализмъ есть лишь маленькая западная, модернистски-западная идея, идея безличная и даже не идея, а оправданіе вожделѣнія жить какъ можно лучше. Мы то же слышимъ отъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, утерявшихъ вѣру и смыслъ жизни. О, какъ понятна возмущенная и негодующая реакція противъ постыдной утери русской интеллигенціей національнаго русскаго чувства, противъ болѣзненной денаціонализаціи, противъ бездарнаго и плоскаго космополитизма! Но національнализмъ не по-русски, а по-французски, нѣмецки и англійски обрѣтаетъ національное чувство, не по-христіански, а по-язычески и даже хуже, чѣмъ по-язычески. Вотъ въ чемъ горе, вотъ въ чемъ болѣзнь. Космополитизмъ и національнализмъ—двѣ болѣзни, разъѣдающія Россію и одинаково Россіи чуждыя. Національнализмъ претендуетъ (онъ всегда и во всемъ есть претензія) быть замѣстителемъ

Славянофилы прежде всего утверждали христианскую природу русскаго народа. Они учили, что Россія потому избрана, что она смиренна, не любитъ благъ міра сего, что въ ней живетъ любовь. Они вѣрили, что Россія призвана повѣдать Европѣ и міру тайну свободы. Славянофилы упорно и вопреки историческому факту агрессивности русской власти утверждали, что русскій народъ не хочетъ сильной властной имперіи, что народу этому противна и чужда сама идея имперіи, что онъ призванъ жить исключительно въ высшей сферѣ духа. Они даже самодержавіе оправдывали аскетическимъ отношеніемъ народа къ дѣламъ міра сего, вольнымъ отреченіемъ народа отъ властвованія. Правда, славянофильство было двойственно и допускало въ свое ученіе элементы, которые могли быть истолкованы въ духѣ націонализма. Но славянофилы пришли бы въ ужасъ, еслибъ имъ сказали, что возможенъ русскій націонализмъ, отвергающій самое главное и единственное—христіанскую душу русскаго народа. Славянофилы навѣки установили, что внѣ религіи и внѣ христіанства не можетъ быть русскаго національнаго самосознанія: русское національное самосознаніе есть самосознаніе религіозное. Такъ же думалъ Достоевскій, такъ думалъ и Вл. Соловьевъ, такъ думалъ всякій русскій національный геній. Въ этомъ все своеобразіе Россіи, вся единственность русскихъ, непохожихъ ни на кого. Нововременскій буржуазный націонализмъ, націонализмъ „Новаго времени“ и новыхъ временъ, имѣетъ, можетъ быть, за собой традицію министровъ внутреннихъ дѣлъ, но не имѣетъ за собой никакой духовной традиціи русской культуры. Но всякій министръ внутреннихъ дѣлъ есть нуль, quantité négligeable, по сравненіи съ пророкомъ и святымъ, поэтомъ и мыслителемъ, творцомъ цѣнностей. Пусть укажутъ нововременскіе націоналисты, какіе пророки пророчествовали о ихъ національныхъ дѣлахъ, какіе святые совершали свой подвигъ во имя ихъ задачи, гдѣ мыслители и поэты *такого* націонализма, гдѣ геніальные творцы *такихъ* цѣнностей? Это своеобразное сочетаніе духа министерскаго съ духомъ газетнымъ и духомъ уличнымъ не творитъ цѣнностей, не связано ничѣмъ съ русской геніальностью и русской святостью. Этотъ лживый націонализмъ, прикрывающій духовное и идейное убожество, несоединимъ и непримиримъ съ духовной традиціей русской національной культуры. Его можно скорѣе соединить съ традиціей нѣмецкой или англійской, но русской душѣ онъ чуждъ, далекъ и противенъ. Этотъ націонализмъ—явленіе глубоко не русское, заносное, такое же не русское, какъ и нашъ космополитизмъ, соціалъ-демократизмъ и т. п. Я чувствую свою кровную связь съ славянофилами и со всѣми геніями русскаго національнаго сознанія и русской мессіанской идеи, я вѣрю въ Россію и въ исключительное призваніе русскаго народа въ мірѣ и потому мнѣ чуждъ и противенъ націонализмъ. Я не могу быть націоналистомъ прежде всего

религіи, вмѣсто того чтобы быть религіознымъ. Всякій же суррогатъ религіи арелигіозенъ. Церковь Христову, по существу церковнаго вѣроученія и самосознанія вселенскую, пытались и пытаются у насъ націонализировать, превратить въ исключительно національное учрежденіе, въ орудіе національныхъ цѣлей. На этой почвѣ мы не разъ доходили до кощунства. Націоналисты прежнихъ временъ націонализировали церковь безсознательно и bone fide; они были все же люди религіозные, хотя и съ слабымъ сознаніемъ, недостаточно просвѣтленнымъ вселенскимъ Логосомъ. Націоналисты новыхъ временъ ни во что уже не вѣрятъ и націонализируютъ церковь сознательно, превращая ее въ утилитарное орудіе. Нововременцы ни въ какую церковь уже не вѣрятъ, но они очень хотятъ, чтобы была государственная, національная церковь, чтобы существовало принудительное православіе, какъ функція необходимая для національнаго благополучія и процвѣтанія. Ихъ совѣсть свободна отъ всякой религіозной вѣры, но свободу совѣсти они признать не хотятъ. Старовѣры впадали въ грѣхъ націонализаціи церкви, въ нихъ слабъ былъ вселенскій Логосъ, ему противоборствовала національная стихія, но они не были циниками. Новоневѣры—циники. Это явленіе совсѣмъ другого нравственнаго порядка. Націоналисты способны говѣть въ церкви и принимать таинства въ судъ и осужденіе, не вѣруя ни во что, для національнаго направленія и русскаго стиля. Русскому народу все еще нужно, чтобы тѣ, которые называютъ себя націоналистами, казались православными. Такъ думаетъ большая часть русской бюрократіи и такъ поступаетъ.

Ужаснѣе всего, что всѣ эти испуганные и невѣрующіе націоналисты унижаютъ честь и достоинство Россіи и русскихъ. Люди эти не вѣрятъ въ силу и величіе, въ правду и красоту своего народа. Націоналистамъ этимъ народъ русскій представляется всегда слабымъ и безпомощнымъ, лишеннымъ всякаго духовнаго обаянія и духовной мощи. Націоналисты ищутъ для русскихъ во всемъ и всегда протекціи, покровительства. Нѣтъ вѣры, что безъ протекціи и покровительства русскій человѣкъ можетъ хоть что-нибудь сотворить и даже просто сохранить свое русское обличіе. Только и слышно, что русскихъ всѣ соблазняютъ, совращаютъ, насилуютъ, лишаютъ индивидуальности. Точно русскіе—вѣчно малолѣтніе, слабосильные, лишенные дара творить свое и своимъ дѣйствовать обаятельно на другихъ. Вѣчный страхъ всѣхъ и всего, всюду соблазны и опасности. То евреи совращаютъ и соблазняютъ, то католики, то поляки или финляндцы внушаютъ революціонный образъ мыслей. Почему же мы, русскіе, сами никого не соблазняемъ и не совращаемъ? Неужели мы такъ бездарны и безсильны, неужели ни для кого не можетъ быть обаятельно и опасно по своей заразительности наше творчество, наше лицо? Невозможно унизительно и постыдно это не-

вѣріе въ себя, въ свои силы, въ свое творчество, въ свое дѣло, въ свою правду. Если мы *такіе*, то нѣтъ у насъ въ мірѣ призванія, ибо въ мірѣ долженъ быть подборъ духовной мощи, а не духовной немощи. Какъ боятся у насъ соблазнительнаго вліянія католиковъ. Дайте только волю одному католику, и онъ совратитъ цѣлый городъ православныхъ, никто не устоитъ отъ соблазна. Вѣрятъ безконечно въ силу, обаяніе и соблазнительность католиковъ и католичества. Въ силу же, обаятельность и соблазнительность православія и православныхъ не вѣрятъ. Дико даже звучитъ предположеніе, что православный можетъ соблазнить католиковъ, что православный можетъ быть опасенъ для католиковъ. Гдѣ ужъ тамъ православному и русскому: быть бы живу. Тутъ какъ бы самому не соблазниться и не совратиться, а о соблазненіи и совращеніи другихъ способами не полицейскими и помышлять не смѣютъ. Нашъ націонализмъ пугливо-пассивный и, главное, не вѣрящій въ себя, вѣрящій гораздо болѣе во враговъ. Наши націоналисты твердо убѣждены, что евреи, поляки, финляндцы и прочіе инородцы гораздо сильнѣе русскихъ и способнѣе русскихъ; также убѣждены въ томъ, что католичество, сектантство всѣхъ оттѣнковъ, можетъ быть, даже магометанство и язычество, гораздо обаятельнѣе, соблазнительнѣе, чѣмъ православіе. Русскимъ и православнымъ можно быть только подъ охраной и протекціей; снимите охрану, лишите русскаго протекціи, и русскій очень скоро сдѣлается евреемъ, полякомъ или нѣмцемъ, православный—католикомъ, магометаниномъ или язычникомъ. Русскимъ же и православнымъ никто не хочетъ дѣлаться, какія бы житейскія преимущества за это ни сулили, никого это не соблазнятъ, никому это не импонируетъ своей мощью. Свобода совѣсти, кричатъ невѣрующіе православные, погубитъ православіе, врата адовы одолѣютъ его; равноправіе инородцевъ, кричатъ невѣрующіе націоналисты, погубитъ русскихъ, русскіе—слабѣйшіе. Такъ думаютъ почти всѣ наши націоналисты и унижаютъ народъ свой своимъ невѣріемъ. Существуютъ такія мамаши, которыя думаютъ, что сынковъ ихъ всѣ соблазняютъ и совращаютъ. Одинъ товарищъ-злодѣй совратилъ сынка въ политику, другой—въ кутежи, дѣвица совратила въ амурныя похожденія, еще кто-то—въ атеизмъ. Но никогда мамашѣ не приходитъ въ голову, что самъ сынокъ можетъ кого-нибудь совратить и соблазнить, можетъ на кого-нибудь повліять и для кого-нибудь можетъ быть опасенъ, никогда не думаетъ мамаша, что сынокъ можетъ быть сильнымъ и обаятельнымъ. Сынокъ всегда оказывается какимъ-то слабосильнымъ идіотомъ, которому со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности. Психологія этой мамаши слишкомъ распространена по отношенію ко всему русскому народу, всей Россіи. И этой психологіи пора положить предѣлъ. Культъ слабости, нелюбовь къ истинному могуществу характерны и для нашихъ правыхъ націоналистовъ и для нашихъ лѣвыхъ космополитовъ,

для нашей реакціонной власти и для нашей радикальной интеллигенціи. Съ тѣмъ же безсиліемъ одни кричатъ „евреи заѣли“, другіе кричатъ „среда заѣла“, одни всюду разыскиваютъ опасности революціи для оправданія своего творческаго безсилія, другіе для того же всюду разыскиваютъ опасности реакціоннаго правительства. У русскихъ есть постыдная склонность къ ламентаціямъ и слезницамъ, ими наполнена наша лѣвая и наша правая печать. Вина всегда возлагается на другихъ. И нѣтъ склонности возложить на себя бремя отвѣтственности, сознать себя творцами жизни, въ себѣ осознать творящую силу. Пора русскимъ начать жить безъ протекціи и охраны, пора перестать дрожать отъ страха соблазновъ и опасностей, пора стать сильными и соблазнительными, духовно воинственными и обаятельными. Пусть русскій соблазняетъ евреевъ обаяніемъ своего національнаго лица, пусть православный совращаетъ католиковъ силой своего религіознаго духа. Пора, пора уже выйти изъ состоянія пассивнаго страха и перейти въ состояніе активно-творческое. Ужасна и постыдна эта матеріальная агрессивность русскаго націонализма и эта духовная его пассивность и разслабленность. Пора перестать угрожать кулакомъ и палкой и начать соблазнять силой духа, мощью творчества. Жизнь—не охраненіе, а творчество, въ творчествѣ—тайна жизни. Задача Россіи, надъ которой не задумываются наши націоналисты,—въ творческомъ наступленіи, въ міровомъ служеніи, а не въ пугливомъ безсильномъ охраненіи. Нужно начать жить въ атмосферѣ мужественнаго творчества, а не трусливаго испуга передъ всѣми и всѣмъ. Россія вступила уже въ тотъ возрастъ, когда ей нужно пережить, мужественно пережить опасности и соблазны, не жмурясь, не прячась, не размахивая палкой отъ трусости. Россія должна готовить себя къ вступленію въ тотъ возрастъ ея бытія, когда русская правда станетъ обаятельна и понадобится міру. Націоналисты мѣшаютъ созрѣванію Россіи, задерживаютъ ее въ состояніи безсильнаго младенчества и испуга.

II.

Самая распространенная, дешевая и вульгарная форма націонализма это—бытовой антисемитизмъ. Программа иныхъ націоналистовъ исчерпывается антисемитизмомъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ творческихъ утвержденій, сводится лишь къ чисто отрицательному. Этотъ ходячій, мѣщанскій антисемитизмъ обывателей, не вѣдающихъ глубины еврейскаго вопроса, прикрывается идеей расовой, прикрываетъ quasi-идеей духовную наготу. Существуютъ газетные идеологи бытового и расоваго антисемитизма, идеологи, всегда обращенные къ толпѣ и ея инстинктамъ, всегда выражающіе среднія мнѣнія, ходячія и ходкія

мнѣнія. Глубже самой поверхности жизни идеологи эти не идутъ, какъ не идутъ тѣ обыватели, мнѣніе которыхъ они выражаютъ. Люди эти съ легкостью провозглашаютъ, что евреи—„низшая раса“, и думаютъ, что провозглашаютъ этимъ какую-то идею, говорятъ больше, чѣмъ говоритъ обывательски-бытовой инстинктъ. Но слишкомъ ясно, что *такой* антисемитизмъ имѣетъ характеръ явно не христіанскій и явно не религіозный. Бытовые и расовые антисемиты націоналисты поразительно беззаботны въ отношеніи христіанскаго сознанія, да и вообще всякаго религіознаго сознанія. Въ сущности они — позитивисты и эмпирики, не желающіе знать смысла вещей и тайнъ жизни. Для вѣрующаго, религіознаго человѣка невозможно поверхностное, внѣшнее отношеніе къ еврейскому вопросу. Слишкомъ много проблематическаго, таинственнаго въ этомъ вопросѣ, слишкомъ много указующаго на Божьи судьбины, на мистическія судьбы исторіи. Для христіанина еврейскій вопросъ есть вопросъ мистическій, а не позитивный, и отношеніе къ еврейскому вопросу можетъ быть лишь религіозное, а не бытовое, не политическое и не расовое. Христіанинъ не смѣетъ говорить о еврействѣ того, что съ легкимъ сердцемъ можетъ говорить націоналистъ-безбожникъ, націоналистъ, не вѣрящій ни въ Бога, ни въ чорта. Христіанинъ долженъ мистически ощущать, что на каждомъ евреѣ лежитъ печать не только личной его судьбы, но и судьбы сверхличной, міровой, таинственной судьбы Израиля, избраннаго народа Божьяго, изъ котораго вышелъ Христосъ и который распялъ Христа. Въ каждомъ евреѣ чувствуется какая-то особенная напряженность, кровь иная, чѣмъ кровь другихъ народовъ земли, кровь, предназначенная Промысломъ Божьимъ къ исполненію высшихъ предначертаній. Судьба еврейства, судьба непостижимая, раціонально необъяснимая, вѣчно указуетъ на мистическій смыслъ исторіи. Ибо поистинѣ непостижимъ и таинственъ самый фактъ существованія еврейства, его неистребимость, его неспособность къ ассимиляціи, его сохраненіе на протяженіи всей исторіи среди народовъ, ненавидѣвшихъ и гнавшихъ его. Исторія еврейства провиденціальна, и ничто человѣческое не въ силахъ истребить еврейства. Еврейство — соблазнъ для христіанъ и судьба его — безуміе для разсудка. Судьба еврейства вызываетъ мистическій трепетъ у всякаго религіозно чувствующаго жизнь. Когда въ дни молодости меня привлекало матеріалистическое пониманіе исторіи, мнѣ всегда казалась необъяснимой судьба евреевъ, казалась чудесной эта судьба. И судьба эта остается чудесной не только для матеріалистическаго пониманія исторіи, но и для всякаго раціональнаго пониманія. Я во многомъ радикально расхожусь со взглядами Вл. Соловьева на еврейскій вопросъ, не раздѣляю его исключительнаго филосемитизма, но меня потрясаетъ то мистическое чувство еврейства, которымъ былъ переполненъ Соловьевъ и которое должно было бы

быть у всякаго христіанина. До конца исторіи не разрѣшится еврейскій вопросъ, евреи никогда не ассимилируются и не исчезнутъ, никогда не будутъ имѣть родины и не будутъ счастливы, хотя будутъ грозной силой среди другихъ народовъ. Судьба еврейства до конца вѣковъ останется трагической для нихъ самихъ и трагической для всѣхъ христіанскихъ народовъ. Еврейство есть мука исторіи, трагедія всемірной исторіи. Въ еврействѣ есть вселенскость и апокалиптичность.

Націоналисты-безбожники и буржуа съ легкостью провозглашаютъ: евреи—низшая раса, низшая порода людей. И проповѣдуютъ расовый антисемитизмъ. Но для всякаго христіанина, для всякаго принявшаго и пережившаго догматы церкви, чудовищно должно звучать: „евреи—низшая раса". Христіанинъ религіозно не можетъ, не хочетъ и не смѣетъ примириться съ тѣмъ, что Христосъ—Сынъ Божій, Искупитель и Спаситель міра, по человѣчеству принадлежалъ къ низшей расѣ, что къ низшей расѣ принадлежала Дѣва Марія, Божья Матерь, и апостолъ Павелъ, величайшій изъ людей, и апостолъ любви Іоаннъ и всѣ апостолы. Расовый антисемитизмъ абсолютно несовмѣстимъ съ христіанской вѣрой и долженъ разсматриваться христіаниномъ, какъ грѣхъ, грѣхъ противъ человѣческой природы Христа, противъ Божьей Матери, противъ апостоловъ. Такой антисемитизмъ возможенъ лишь для нехристіанина, лишь для отвергающаго воплощеніе Сына Божьяго, Его человѣческую плоть. Христіанинъ, узнавшій и принявшій пришедшаго во плоти Сына Божьяго, догматически обязанъ считать еврейскій народъ не низшей расой, а избраннымъ народомъ Божьимъ. Въ наше вѣроученіе обязательно входитъ признаніе евреевъ избраннымъ народомъ Божьимъ, и отвергнуть это можно, лишь отвергнувъ догматы Церкви. Новый Завѣтъ не можетъ быть оторванъ отъ Ветхаго Завѣта и отъ еврейства. Отрывали лишь гностики, которыхъ Церковь признала еретиками. Вѣдь христіанинъ долженъ носить въ себѣ то отвѣтственное сознаніе, что христіанство въ человѣчествѣ—еврейскаго происхожденія. Исторія еврейскаго народа—колыбель христіанства. Мессіанская идея—еврейская идея, исключительно еврейская. Внѣ еврейства нѣтъ мессіанскаго сознанія. Еврейскій народъ вынашивалъ въ себѣ мессіанское сознаніе. Въ еврейскомъ народѣ явились пророки, и этотъ народъ томила огненная жажда пришествія Мессіи. Лишь въ еврейскомъ народѣ было откровеніе Бога-Отца и былъ личный завѣтъ Бога съ человѣкомъ. Исключительное богосознаніе и богоощущеніе присуще еврейскому народу. Не случайно, провиденціально долженъ былъ явиться Мессія въ еврейскомъ народѣ и не могъ Онъ явиться ни у какого другого народа. Пророки и апостолы могли быть только евреи, для этого избранъ былъ Богомъ еврейскій народъ, и Богъ безошибочно зналъ, кого избиралъ. И мы должны покориться Божьему избранію. Когда читаешь

Библію, эти, даже съ человѣческой точки зрѣнія, самыя геніальныя, потрясающія и прекрасныя письмена, то чувствуешь, что Богъ возлюбилъ Израиль какой-то особенной, исключительной любовью и жаждалъ обладать избраннымъ народомъ Своимъ, какъ жаждетъ любящій любимаго. Отношенія между Богомъ и Израилемъ, народомъ Божьимъ, эротическія въ высшемъ смыслѣ этого слова, страстныя. Страстная любовь легко переходитъ въ гнѣвъ, въ огнь истребляющій. И въ Библіи уже чувствуется, что любовь Бога къ Израилю переходитъ въ огненный гнѣвъ. У Якова Бёмэ есть геніальное ученіе о переходѣ божественной любви въ божественный гнѣвъ, въ огонь. Вся трагическая, таинственная судьба еврейскаго народа въ исторіи и есть переходъ божественной любви въ божественный гнѣвъ. Но такой гнѣвъ могъ разразиться лишь надъ избраннымъ, излюбленнымъ народомъ, измѣнившимъ Тому, Кто избралъ и полюбилъ. Въ чемъ же тайна судьбы избраннаго народа, тайна избранія его? Надъ этимъ долженъ задуматься христіанинъ съ мистическимъ трепетомъ, который вызывается приближеніемъ къ божественнымъ тайнамъ.

Тайна Израиля — въ двойственности его мессіанскихъ ожиданій и хиліастическихъ надеждъ. Только тотъ народъ, который ждалъ и Мессію-Христа, Искупителя и Спасителя міра, и мессію-земного царя, устроителя земного блаженства Израиля и антипода Христова, только тотъ народъ могъ дать міру Сына Божьяго во плоти и могъ распять Сына Божьяго, послать Его на крестную муку. Образъ Мессіи двоился у еврейскаго народа, ожиданіе Христа смѣшивалось съ ожиданіемъ Его врага, и потому Христосъ по человѣчеству былъ еврей, и еврей до глубины своего существа былъ предавшій Христа Іуда. Рожденіе Христа произошло въ нѣдрахъ еврейства, еврейство дало міру Рождество, и еврейство же распяло Христа, въ нѣдрахъ еврейства совершилась Голгоѳа. Еврейскій народъ ждалъ страстно, напряженно, нетерпѣливо явленія Христа-Мессіи и еврейскій же народъ ждалъ и ждетъ донынѣ иного мессіи, царя земного, устроителя земного блаженства. Во имя иного мессіи, царя и устроителя земного блаженства, отвергъ еврейскій народъ Мессію-Христа, Сына Божьяго, явившагося міру въ обличіи раба. Во имя своего еврейскаго и антихристіанскаго хиліазма еврейскій народъ отвергъ тайну искупленія, распялъ Христа и возненавидѣлъ голгоѳскую жертву. Но и пророческій мессіанизмъ и христіанскій хиліазмъ зародились въ еврействѣ и передались міру христіанскому. Апокалипсисъ—еврейскій по своему происхожденію и духу, отъ еврейства получилъ христіанскій міръ духъ апокалиптическій. И судьба еврейства—апокалиптическая. Въ двойственности хиліазма еврейскаго народа скрыта тайна не только судьбы еврейства, но и судьбы всемірной исторіи.

Вся всемірная исторія вращается вокругъ двоящагося образа Мес-

сіи—Мессіи, какъ искупившаго грѣхи міра голгооской жертвой, и мессіи, какъ царя земли, Мессіи-свободы, и мессіи-необходимости, ибо поистинѣ Мессія, принесшій Себя въ жертву за грѣхи міра, есть Свобода, а мессія, устраивающій земное царство, есть необходимость. Въ лицѣ пророковъ и апостоловъ еврейскій народъ опозналъ Христа-Мессію, принялъ Его и повѣдалъ міру истину о Немъ. Но тотъ же еврейскій народъ въ подавляющей массѣ своей не узналъ Христа-Мессію, отвергъ Его и послалъ на крестную смерть, какъ измѣнника національной хиліастической идеѣ. Тоть же, кто послалъ Христа на крестную смерть, тотъ не знаетъ искупительнаго смысла голгооской жертвы, тотъ отвергаетъ тайну искупленія. И евреи отвергли тайну искупленія во имя иного мессіи, царя сильнаго и властнаго, устроителя земного блаженства, хиліастическаго еврейскаго царства. И всякое отверженіе Христа Распятаго есть отверженіе еврейское и по мотивамъ еврейскаго хиліазма, еврейскаго ожиданія иного Мессіи совершается. Поэтому еврейство послѣ распятія Христа является носителемъ антихристіанскаго духа, является вѣчнымъ отрицаніемъ искупительной силы голгоѳской жертвы. Еврейство, сознательно или безсознательно, все еще ждетъ иного мессію, царя земного, и учитъ другіе народы отвергать Христа потому, что Онъ не водворилъ блаженнаго царства на землѣ, что зло и страданіе продолжаютъ существовать на землѣ и послѣ Христа. И народы соблазняются еврейскимъ хиліазмомъ и еврейскимъ ожиданіемъ иного мессіи, который дастъ людямъ то, чего не далъ Тотъ Мессія, Распятый. Не даромъ духу еврейства такъ близка соціалъ-демократія, которая есть лишь модернизированная трансформація еврейскаго хиліазма, еврейскаго ожиданія мессіи—земного царя и земного блаженства безъ искупительной жертвы. Гнѣвъ Божій обрушился на избранный народъ, который отвергъ подлиннаго Мессію, вышедшаго изъ его нѣдръ, и ждетъ мессію ложнаго, въ которомъ хиліазмъ безбожный побѣдилъ хиліазмъ божественный. Въ трагически-страдальческой судьбѣ своей еврейскій народъ искупаетъ свое отверженіе тайны искупленія. Еврейскій народъ распялъ Христа и отвергъ Распятаго, и онъ вѣчно распинается среди другихъ народовъ, ненавидящихъ его. Еврейскому народу дано было больше, чѣмъ всѣмъ народамъ земли, и онъ отвергъ божественныя богатства. И народъ, который такъ страстно жаждалъ земного царства и земного блаженства, какъ ни одинъ народъ, не имѣетъ того, что имѣютъ всѣ народы,—не имѣетъ родины, не имѣетъ своего царства, принужденъ скитаться по міру, всѣми гонимый и презираемый. И выживаетъ еврейскій народъ, сохраняетъ свой исключительный обликъ, несмотря ни на что. Еврейство неистребимо, оно остается осью исторіи. Оно неистребимо и не поддается ассимиляціи, не можетъ слиться съ другими народами, не можетъ раствориться въ нихъ. Сила самосохраненія еврей-

ства поистинѣ необычайна и чудесна. Еврейство сильнѣе всѣхъ народовъ и непобѣдимо. Евреи—огромная сила среди народовъ, въ ихъ рукахъ сосредоточены и огромныя матеріальныя богатства, и исключительная цѣпкость къ жизни присуща имъ, и духовная выносливость и энергія, побѣждающая всѣ гоненія и притѣсненія. И все же евреи исключительно несчастны, не знаютъ радости, есть скорбная складка на лицѣ каждаго еврея, есть печать мистической судьбы всего Израиля. Еврей не можетъ быть просто личностью, самъ по себѣ, онъ всегда органическая часть Израиля, и судьба его таинственно связана съ судьбой его народа. И еврей, носитель въ мірѣ идеи антихристіанскаго хиліазма, земного царства и блаженства, не знаетъ и никогда не узнаетъ счастья и радости, будетъ скитальцемъ до конца вѣковъ.

Христіанинъ долженъ признать, что еврейскій вопросъ неразрѣшимъ до конца вѣковъ. Неразрѣшимость еврейскаго вопроса входитъ въ неисповѣдимыя пути Господни, и упорное желаніе рѣшить и упразднить еврейскій вопросъ есть противленіе божественному предначертанію. Еврейство никогда не исчезнетъ, никогда не ассимилируется съ другими народами, никогда не будетъ имѣть своего царства, своей земли и всегда будетъ нелюбимо другими народами, антисемитизмъ никогда не будетъ вполнѣ преодолѣнъ. Судьба еврейскаго народа абсолютно трагическая и страдальческая судьба именно потому, что онъ избранный народъ Божій, и народъ этотъ нуженъ до конца временъ для исполненія мистическаго смысла исторіи. О, конечно, прекратятся погромы,—это наслѣдіе дикости и варварства, исчезнутъ политическія ограниченія правъ евреевъ, преодолѣются грубыя формы бытового антисемитизма, но отъ этого еврейскій вопросъ станетъ лишь еще болѣе трагическимъ и углубится. На Западѣ, гдѣ нѣтъ погромовъ и гдѣ евреи полноправны, антисемитизмъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. Можно даже сказать, что ужасы погромовъ и несправедливости безправія евреевъ ставятъ евреевъ въ Россіи въ морально-привилегированное положеніе въ глазахъ широкихъ слоевъ русской интеллигенціи, мѣшаютъ говорить правду о еврейскомъ вопросѣ. Бытовой антисемитизмъ нашихъ дикихъ націоналистовъ и политическій антисемитизмъ правительства не ослабляютъ, а усиливаютъ духовную, моральную и культурную власть еврейства въ Россіи, парализуютъ русскую волю, которая морально не хочетъ бороться противъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. И это кара христіанамъ за ихъ нехристіанское отношеніе къ евреямъ. Борьба съ духомъ еврейства и идеей еврейства въ Россіи должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой съ расовымъ, бытовымъ и политическимъ антисемитизмомъ, она не можетъ быть солидарна съ нашей нехристіанской властью и нехристіанскимъ націонализмомъ. Для христіанина невозможенъ расовый антисемитизмъ, недостоинъ бытовой антисемитизмъ и низокъ политическій

антисемитизмъ. Но для всякаго христіанина обязателенъ религіозный антисемитизмъ, религіозное противленіе антихристіанской идеѣ еврейства, еврейскому хиліастическому ожиданію иного мессіи. Христіанскій религіозный антисемитизмъ не можетъ быть нехристіанскимъ безбожнымъ отношеніемъ къ еврейскому народу, избранному народу Божьему, и потому не можетъ походить на вульгарный антисемитизмъ и не можетъ приводить къ гоненію на евреевъ. Ненависть къ евреямъ, расовая, бытовая, политическая, недопустима для христіанина и такъ же грѣховна, какъ и всякая ненависть къ человѣку. Но возможна религіозная ненависть къ антихристіанской идеѣ еврейства и, въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова, она неизбѣжна. Слова апостола Павла о томъ, что „весь Израиль спасется", должны вызывать мистическій трепетъ въ каждомъ христіанинѣ. Мы можемъ не понимать смысла этихъ словъ, такъ какъ они указуютъ на послѣднія тайны человѣческихъ судебъ, но всякій, прочитавшій ихъ, какъ неотъемлемую часть священнаго писанія Новаго Завѣта, не можетъ уже легко относиться къ еврейскому вопросу и не смѣетъ проповѣдывать расовый антисемитизмъ. Таинственныя слова апостола Павла во всякомъ случаѣ значатъ, что еврейскій вопросъ—исключительно религіозный вопросъ для христіанъ и что еврейскій народъ ждетъ въ концѣ временъ исключительная судьба. Еврейство есть вѣчный соблазнъ для христіанскаго міра, такъ какъ оно соблазняетъ христіанъ къ нехристіанскому отношенію къ себѣ; еврейство—великая трагедія для христіанъ. И легко кажется проповѣдывать ненависть къ евреямъ и гоненія на евреевъ лишь націоналистамъ-безбожникамъ, отвергшимъ Христа Распятаго по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ отвергли Его евреи. Именно націоналисты-антисемиты сами находятся въ наибольшемъ духовномъ плѣну у еврейства, у антихристіанской идеи еврейства.

Классическая страна антисемитизма—Германія. Тевтонская гордость создала особое отношеніе къ еврейству. Въ германской культурѣ есть антисемитическая традиція: антисемитами были Кантъ, Шопенгауэръ, Рихардъ Вагнеръ, Фридрихъ Ницше. Отъ германской культуры получилъ свой антисемитизмъ геніальный еврейскій юноша Вейнингеръ. Расовый антисемитизмъ сильнѣе всего представленъ въ германской культурѣ, которая претендуетъ быть культурой чисто арійской. Современные германскіе антисемиты очень послѣдовательны, и у нихъ должны были бы учиться послѣдовательности антисемиты русскіе. Германскіе антисемиты—не только не христіане, но и антихристіане, ихъ антисемитизмъ принимаетъ форму антихристіанства. Они считаютъ, что христіанство есть семитическая прививка къ арійской расѣ и что арійская раса должна освободиться отъ чуждаго ей семитизма. Они понимаютъ связь христіанства съ еврействомъ, съ избраннымъ народомъ

Божьимъ, и ненавидятъ и то, и другое. Германская культура должна быть чисто арійской и потому антисемитической и антихристіанской. Это наиболѣе послѣдовательно, и расовый антисемитизмъ долженъ принять такую форму, долженъ возненавидѣть мессіанскую идею еврейства, т.-е. отречься отъ Христа, явившагося во плоти. Боговоплощеніе должно быть чуждымъ этой арійской культурѣ. Въ культурѣ германской и есть такая антихристіанская тенденція, есть отверженіе богоматеріализма, съ которымъ связана мессіанская идея. Это культура отвлеченной духовности. Такимъ германскимъ антисемитомъ является сейчасъ Древсъ, философъ гартмановской школы, ведущій антихристіанскую агитацію. Если бы русскіе антисемиты-націоналисты имѣли болѣе чуткую интеллектуальную и нравственную совѣсть, то должны были бы послѣдовать за антисемитами германскими и провозгласить себя врагами христіанства. Это было бы чуждо и противно духу славянства, но честно и послѣдовательно. Чемберлэнъ и такъ уже вдохновляетъ нововременцевъ, Чемберлэнъ—явный антихристіанинъ, который осмѣливается строить гипотезы о Христѣ, оскорбляющія религіозныя чувства вѣрующихъ христіанъ. Всякій христіанинъ обязанъ признать, что міровая европейская культура, культура христіанская, по идеѣ и задачѣ своей есть культура семитически-арійская. Культура же исключительно арійская должна отвергнуть Христа, пришедшаго во плоти, и допустить лишь религію отвлеченной духовности. Всѣ мы христіане, не по крови, но по духу своему, не только арійцы, но немного и семиты, такъ какъ принимаемъ боговоплощеніе, явленіе Мессіи въ еврейскомъ народѣ, проникнуты пророчествами Библіи и Апокалипсиса, проникнуты еврейскимъ мессіанскимъ духомъ. Мы знаемъ, что еврейскій хиліазмъ двойственъ, но еврейскій хиліазмъ необходимъ христіанскому міру, безъ него нѣтъ пророчествъ о наступленіи царства Христова на землѣ, какъ и на небѣ. Съ еврейскимъ же хиліазмомъ связаны и пророчества о царствѣ антихриста. Тутъ узелъ всемірной исторіи. Я вѣрю, что славянство несетъ въ себѣ христіанскую идею и христіанское призваніе, и потому думаю, что для славянства невозможенъ расовый антисемитизмъ по образцу германскому, а возможно лишь религіозное противленіе духу еврейства. И не случайно еврейскій народъ живетъ по преимуществу въ Россіи. На этомъ провиденціальномъ фактѣ провѣряется христіанское призваніе русскаго народа. Еврейскій вопросъ—христіанскій вопросъ и еврейскій вопросъ—очень русскій вопросъ.

Русскій народъ призванъ отнестись вдвойнѣ по-христіански къ народу еврейскому. Русскій народъ, самый свободный изъ всѣхъ народовъ отъ духа буржуазной корысти, долженъ дать пріютъ избранному народу Божьему, понявъ трагическую его судьбу, и русскій народъ долженъ по-христіански, всей силой своего духа противиться антихри-

стіанской идеѣ еврейства, еврейскому отверженію Мессіи Распятаго и еврейскому ожиданію иного мессіи, хотя бы отвергающій и ожидающій и не былъ по крови евреемъ. И вызываетъ религіозную тревогу за будущее Россіи то, что русскій народъ не выдерживаетъ испытанія, оказывается не на высотѣ задачи, относится къ еврейскому народу вдвойнѣ не по-христіански. Вдвойнѣ не по-христіански, потому что устраиваетъ погромы, утѣсняетъ еврейскій народъ и поддается духовной власти еврейства, по-еврейски отвергаетъ Христа Распятаго и по-еврейски ждетъ спасенія отъ мессіи—земного царя. Но, вѣрю, что таково лишь меньшинство русскаго народа, худшая его часть, временно получившая силу выдавать себя за весь народъ. Всякій отвергающій Христа Распятаго во имя земныхъ цѣлей, распинающій Христа злобой и ненавистью—Іуда, [1]) т.-е. еврей съ антихристовой его стороны. И если онъ русскій, то взыщется съ него безмѣрно больше, какъ съ принявшаго таинство крещенія. Отреченіе отъ Христа и религіи распятой правды во имя имперіализма, во имя царства міра сего есть юдаизмъ въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Имперіалисты и соціалъ-демократы въ разныхъ формахъ одинаково исповѣдуютъ религію еврейскаго хиліазма, юдаизма, соблазненнаго земной силой и земнымъ благоустройствомъ, одинаково отвергаютъ религію распятой правды. Не только радикальная и революціонная интеллигенція находится во власти юдаистической идеи земного царства, но и націоналисты-антисемиты, которые не грезятъ объ этомъ царствѣ, а уже имѣютъ его. Націоналисты-антисемиты сами распинаютъ Христа во имя земного царства, во имя имперіализма, и не имъ осуждать еврейскій народъ за распятіе Христа. Лишь принявшій въ сердце свое распятую правду смѣетъ отвергать еврейскую идею, распявшую правду. Лицемѣріе и ложь, когда наши антисемиты кричатъ, что евреи распяли Христа и потому надо евреевъ распинать. Нововременцы ненавидятъ евреевъ не потому, что они распяли Христа, а потому, что евреи мѣшаютъ имъ устроить для себя царство земное, могучую имперію для себя и только для себя. Нововременцы-антисемиты сами—евреи по духу и потому конкурируютъ съ евреями, дѣлятъ съ ними царство земное. Но это нововременское еврейство въ тысячу разъ хуже подлиннаго еврейства, такъ какъ это еврейство безъ пророковъ и апостоловъ, безъ страдальческой судьбы, это еврейство довольное и устроившееся. Антисемитизмъ нашихъ „правыхъ“ вызываетъ чувство брезгливости и гадливости. Въ немъ позорное для христіанскаго народа людоѣдство соединяется съ

---

[1]) Іуда не есть просто типъ предателя. Іуда предалъ Христа во имя національнаго еврейскаго хиліазма. Онъ ждалъ Мессію—царя земного и возненавидѣлъ Мессію, явившагося въ образѣ раба.

цинической лживостью и лицемѣріемъ. Во имя распятой правды осмѣливаются возставать люди, во всѣхъ дѣлахъ своихъ правду распинающіе, и искажаютъ смиренный и кроткій обликъ русскаго народа. Почти непонятно, откуда взялось у насъ, русскихъ, это людоѣдство, эта кровожадность. Много дикости, хаотичности въ русскомъ народѣ, но трудно было ожидать такой вакханаліи кровожаднаго людоѣдства, облекшагося въ западно-европейское одѣяніе. Буржуазный антисемитизмъ совсѣмъ, казалось, чуждъ русскому народу, ибо гордость русскаго народа всегда была въ томъ, что онъ не плѣненъ исключительно „дѣлами“ этого міра. И, вѣрилось, не можетъ русскій народъ дѣлать выгодную аферу изъ антисемитизма, лицемѣрно играя на вѣковѣчныхъ струнахъ глубокой религіозной вражды къ еврейству, распявшему Христа. Вѣрилось, что русскій народъ думаетъ не столько о томъ, чтобы быть въ лучшемъ положеніи, сколько о томъ, чтобы быть лучше. И вѣрю глубоко, что освобожденіе русской культуры и русской интеллигенціи отъ антихристіанской идеи еврейства, отъ своеобразной еврейской морали, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ отъ антисемитизма и націонализма. Погромщики уличные и погромщики газетные, какъ и погромщики власть имѣющіе, не могутъ считаться принадлежащими къ христіанской Россіи; они должны быть духовно извержены изъ русскаго народа, какъ чуждые его призванію, какъ враждебные его вѣрѣ,—вѣрѣ въ распятую правду. Христіанско-національное возрожденіе Россіи должно духовно убить націонализмъ и антисемитизмъ, какъ плѣненіе царствомъ земнымъ, т.-е. еврейскимъ хиліазмомъ. И народится въ Россіи христіанское рыцарство, съ христіански-рыцарскимъ отношеніемъ къ своему народу и къ народу еврейскому.

Николай Бердяевъ.